

✓ Фронтовые были

Там, где горшки обжигают

...Лязгая гусеницами, их «тридцатьчетверка» остановилась недалеко от села Сергиевка. Здесь Сергей Саблин родился и вырос. В селе, которое дало ему имя и теперь вот стало фронтовой передовой, осталась мать. Доведется ли еще встретиться? Как бы подать ей весточку!

Сергей едва успел сложить в треугольник вырванный из тетради листок с несколькими фразами и вручить его сержанту, увозящему полевую почту.

Когда вестовой вызвал бойца к командиру полка, Сергей насторожился: зачем? Но увидев в блиндаже задержанную мать, понял: а письмо-то дошло! Цензура не успела вымарать ни одной строчки. Он написал главное: не упоминая географических названий, точно обрисовал место, где стоит танк: «Там, где горшки обжигают, мама!»

Марфа Семеновна, чьи семеро сыночков и дочек еще крошками до войны бегали сюда на гончарный участок за глиняными свистульками, пешком отправилась в крошечный ад, чтобы повидать кровинушку Сергуню — четвертого из Саблиных, ушедших на фронт.

Аромат ватрушек, которые мама принесла тогда в узелке для танкистов, бойцы вдыхали всю ночь, вытирая украдкой глаза.

Шел второй год войны, в которой Сергей Саблин защищал Родину в стрелковом де-

санте танкового батальона: по десять автоматчиков на броню — и вперед! Только крепче держись за скобу на башне и успевай вовремя спешиться, открывая огонь по противнику.

День победы он встретил штатским: зимой сорок третьего года получил тяжелое ранение, не позволившее вернуться на передовую. Двадцатилетним Саблин стал секретарем директора племзавода в родной Сергиевке.

Почему на секретарскую должность в деревне, где мужчин в войну вообще не было, взяли фронтовика? Да потому, что ни о каком «подшивании бумажек» тогда не было и речи. Саблин ездил по округе, «выбывая» фураж для стада и пополняя материальную часть племзавода.

В одну из поездок увидел объявление о наборе в железнодорожный техникум. Так он попал в заместители начальника станции Балахна.

Потом переехал в Нижний Новгород, да не один: увёз-таки из Балахны самую красивую девушку — начальника станции Зинаиду Егорычеву. Оба трудились на железной дороге в общей сложности почти сотню лет.

Переехавшая вместе с мужем в город Зинаида стала ревизором по безопасности движения — одна из немногих женщин, оставшихся на эту должность.

Анна ЖАДОБОВА

Судьба, богатая подвигами

Больше всего Василию Финогенову запомнилось сражение в районе Киева в сорок первом. Бойцы батальона народного ополчения оказались в окружении. Целую ночь пытались выбраться из кольца гитлеровцев по болотам. Достигнув леса, выжившие разбились небольшими группами: в редколесье люди сразу обнаруживали себя: «Выйдешь на такое место — тут же немцы открывают огонь. И опять загоняют в глушь, в болото». К своим все-таки вышли.

Во время обороны Киева Василия Финогенова назначили комиссаром бронепоезда, созданного железнодорожниками киевского узла. Чтобы было прикрытие от прямого огня, бронепоезд ставили в ложину. В одном из боев Финогенов получил контузию. «Скатился по откосу под колеса. Слышу, на площадке бронепоезда кричат: «Комиссар убит!» Люки на площадке располагались снизу. Стучусь: «Откройте, жив!»

Фронтовыми дорогами Василий дошел до Тулы. Здесь его, ушедшего на войну из студентов Ленинградского института железнодорожного транспорта, определили на строительство Большой московской окружной железной дороги.

Будущую супругу Татьяну он встретил тоже на войне. Живой легендой называли разведчицу Таню Диденко. В августе сорок первого в районе местечка Мышеловка девушка обнаружила место дислокации большого числа вражеских частей.

Используя добытые разведчицей сведе-

ния, бронепоезд по заброшенной ветке внезапно ворвался в расположение немцев. Под его прикрытием бросились в бой пехота и ополчение. После сражения Финогенов отправил тяжело раненых в тыл, в их числе была и Татьяна.

Через несколько лет они встретились на строительстве железной дороги и больше уже не расставались.

В мирное время Василий Финогенов стал крупным специалистом в области строительства дорог. Сначала прораб, потом заместитель начальника и начальник участка строительства, позже он возглавил строительный трест и на пяти стальных магистралях проработал 57 лет. Внёс немалый вклад в развитие Владимирского и Дзержинского железнодорожных узлов. Под его опекой близ Кирова на малоизвестном тогда разъезде Лянгасово сооружена сортировочная станция.

За четырнадцать лет его руководства трестом «Гортрансстрой» построены вторые пути на участке Горький—Котельнич—Мокрицы. Генерально реконструированы станции и железнодорожные узлы Владимир, Котельнич, Балезино. Построена крупная наливная станция Зеледино...

Ордена Ленина, Октябрьской революции, Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За оборону Киева», знак «Почетный железнодорожник»... Десятки боевых и трудовых наград на груди Василия Финогенова — свидетельства богатой подвигами судьбы.

Лариса БУГРОВА

Дети войны

Война вошла в нашу жизнь гибелью отца...

Помню теплый солнечный день 1941 года. Еще не начались занятия в школах. Я была во дворе и вдруг, услышав дикий крик мамы, прибежала домой. Она корчилась в судорогах на кровати. Лицо страшно искажено, а из широко открытого рта рвался вой. Бабушка старалась унять судороги, прижималась к маме и просила: «Таня, опомнись!» Но никакие уговоры не помогали, мама продолжала кричать.

Дедушка вывел меня во двор, усадил с собою рядом и на мой недоумённый вопрос, вытирая глаза, ответил: «Нет у тебя больше папы, Зоюшка». Так он назвал меня впервые.

— Почему нет? Убили его на фронте.

Суть происшедшего не дошла до моего сознания. Дедушка отправил меня на улицу, чтобы я не видела и не слышала маму.

Выйдя за ворота, я перешла дорогу и села на лавочку у дома, где уже ждала меня подружка. Соседка выглянула из окна:

— Что это у вас кричат?

— Моего папу убили.

Она охнула. Мы молча посидели с Лёлей некоторое время. Потом, понурившись и загребая ногами пыль, я пошла домой.

Это была первая горестная весть с войны на нашей улице. Ещё отцы и родственники моих подруг и друзей были дома, а мой — доброволец, как писали тогда в извещениях, «в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит».

В то время — 1941 год — жизнь в Оренбурге ещё мало чем отличалась от довоенной. По крайней мере, для детворы: те же игры, та же учёба, те же заботы. Но, когда в город стали приходить эшелоны с ранеными, привычная жизнь окончилась. Одни школы спешно переоборудовались под госпитали, другие становились трёхсменными, но помещений все равно не хватало, и занятия проводились в библиотеках и клубах.

Всё изменилось: и время, и жизнь. У детей, помимо учёбы и обычной работы по дому, появились новые обязанности: отоваривание появившихся продуктовых карточек, посещение госпиталей с самодельными концертами и написанием весточек от раненых домой, сбор тёплых вещей, махорки и кисетов для фронта, но самым главным все же были очереди за хлебом.

Очередь занималась с вечера, для чего на руках писались номера химическим карандашом. Дежурили по ночам, чтобы не прозевать её, а рано утром, за долго до открытия магазина, занимали в ней свои места. С открытием магази-

на начиналась «бойня»: более сильные и наглые лезли в двери, отшвыривая друг друга. Если не находилось людей, способных навести порядок и соблюдение очереди, приходилось уходить ни с чем, без хлеба.

Вся жизнь тогда проходила в очередях: там и

играли, и учили уроки. Летом ещё ничего, а вот в дождливую осень или студёную зиму было худо.

Карточные месячные нормы были скудными:

	Жир	Сахар	Мясо	Крупа	Мыло	Дневные нормы хлеба
Рабочим	800	800	800	800	200	800
Служащим	500	500	500	500	100	500
Детям	400	400	400	400	100	400
Иждивенцам-неработающим	200	200	200	200	50	200

В хлебных карточках было столько талонов, сколько дней в месяце, с указанием даты и нормы (веса). При выдаче хлеба такие талоны вырезались продавцами и наклеивались на бумагу для отчёта. При этом не обходилось без обмана, когда вырезали лишние талоны, обвешивали, обсчитывали — обычная для торговли история.

Иногда хлеб выдавали на два дня: «за сегодня и за завтра» или «за вчера и сегодня», если накануне его не привозили. И это было радостью — один день, освобождённый от дежурства и стояния в очереди, от боязни её потерять или не получить хлеба, если не достанется.

Хлеб всегда был ржаной, редко — «серый» (пшеничный 2-го сорта). Чем дольше шла война, тем хуже становился хлеб: он становился всё мокрее, тяжелее и кислее. Но он был вкуснее и сытнее всего. Огородов у горожан не было, цены же на базаре стали такими высокими, что о покупке там продуктов не могло быть и речи. Приобреталось лишь главное — картошка и иногда молоко.

Бедный паёк хлеба мама делила на три части: завтрак, обед, ужин. Каждую

из них на четыре части. К маленькому кусочку хлеба и стакану кипятка в дни отваривания картошек добавлялась жидкая — жидкая кашка на воде или суп, в котором плавало несколько лапшинок

или крупинок да один-два кусочка картошки. А потому главным и постоянным нашим желанием было есть, есть, есть. Мы были голодны.

Голод, настоящий голод, от которого ноги дрожали и были «ватными».

Мама, деля на нас еду, поливала её слезами, оставляя себе меньшую часть, а ведь надо было работать! Учителей в школе не хватало, нагрузка была по 40-45 часов в неделю плюс кружковая работа. Помощи ждать было неоткуда и не от кого. Кроме её зарплаты, была пенсия за отца — 135 рублей на ребёнка, а в то время буханка хлеба на базаре стоила 250300 рублей. Нужно было кормить, обувать, одевать троих детей, да ещё запастись на зиму топливо.

Ах, это топливо! До войны мы топили только дровами. Пока жив дедушка, мы с ним собирали в степи траву перекати-поле и на ручной тележке перевозили домой, сваливали в сарай. Но трава быстро сгорала, давая мало тепла. И всё же можно было погреться у плиты, потом забираясь в ледяную постель.

Топили углём, но для растопки всё равно нужны были дрова. Их добывали, где могли: разбирали старые сараи и изгороди, подбрасывали всё, что могло гореть.

Уголь всегда был плохой: мелкий, почти пыль. Его предварительно замачи-

вали и клали пластами на разгоревшиеся дрова. Он чадил, дымил, но в конце концов разгорался.

Трубу закрывали рано, чтобы сохранить тепло, и потому часто угорали. Однажды меня долго не могли привести в чувство после угара. Испугавшись, мама перестала рано закрывать трубу и не позволяла мне дотрагиваться до вьюшки.

Далёкое, трудное и голодное время! Тогда почти всем так жилось. Но это время не убило в людях отзывчивость и доброту: все старались помогать друг другу, чем могли.

Самым страшным и тяжким для семей фронтовиков было получение похоронок. Самым трудным было пережить голодные годы и не потерять детей. В то время многие мои сверстники и сверстницы в 13 — 14 лет шли на работу к станкам учиться в ремесленные училища. А некоторые пополняли армию карманников и воров. С голода, от вынужденной беспризорности: отцы на фронте или погибли, матери на работе. Некоторые ребята убежали на фронт, часто не достигая цели: их снимали с поездов и возвращали домой.

И еще. У всех была голодная «диета», одеты были коекак. Но вот болезни ни к кому не приставали: простужались редко, обычные детские болезни отступали, только вот от насморка никто не мог избавиться — в холодное время из носа текло постоянно. Да ещё навалилась на народ вшивость, с которой боролись, как могли.

И теперь, вспоминая прошедшее, с ужасом думаю о войне, которая у нас под боком, где снова гибнут люди и страдают дети. И хочу сказать только одно: «Люди, одумайтесь!»

Зоя КРАХМАЛИНА,
ветеран труда

